

Пальцы Бу Фэнчэня дышали прохладой, но стоило им коснуться моих шрамов, как кожу обожгло нестерпимым, лихорадочным жаром — словно к телу прижали раскаленное клеймо.

Склонив голову, он мягкими, вкрадчивыми движениями втирал снадобье в поврежденную кожу. Тонкий, сладковатый аромат лекарственного порошка щекотал ноздри. Не знаю, из каких трав приготовили эту смесь, но ее прикосновение дарило приятную прохладу, хотя сам я в эту минуту метался между жаром и пламенем, сгорая от неловкости.

Каждое неспешное скольжение его ладоней превращалось в изощренную пытку. Кожу покалывало, по телу разливался вкрадчивый, невыносимый зуд. Казалось, по мне легонько водят невесомым перышком; эта щекотка гнездилась где-то глубоко под ребрами, и унять ее, избавиться от нее не было никакой возможности. Словно тысячи муравьев разом побежали по груди, крошечными лапками топчась по рубцам. Боли не было, но от этого глухого томления волоски на теле вставали дыбом, а по спине прокатывалась дрожь.

Уж лучше бы он закончил все одним махом, а не растягивал это мучение, двигаясь невыносимо, издевательски медленно.

Я всегда терпеть не мог чужих прикосновений. Быть беззащитной дичью, замершей под чужим ножом — то еще удовольствие. Разум исходил бессильной злобой, но тело не могло сдвинуться ни на вершок, пока Бу Фэнчэнь продолжал втирать порошок в мои шрамы. Он что, действительно настолько слеп или просто притворяется, что не замечает, как меня лихорадит?

«Неужели он не понимает, насколько двусмысленно, почти непристойно выглядит все происходящее?..»

Под тонкой тканью одежда начала подозрительно натягиваться — холодные пальцы Бу Фэнчэня умудрились разжечь во мне самый настоящий пожар. Какой позор! Сгореть можно со стыда. Неужто я так долго воздерживался от плотских утех, что теперь готов исходить истомой от одного лишь невинного прикосновения?

Сжав зубы, я зажмурился и раздраженно бросил:

— Пошевеливайся!

— Раны требуют терпения и заботы, торопливость тут лишь навредит, — донесся до меня его вкрадчивый, неспешный голос. — Если поторопимся, шрамы затянутся некрасиво. А мне бы этого не хотелось.

Я резко распахнул глаза и, глядя на склоненную голову своего врачевателя, зло усмехнулся:

— И кому сдалась эта красота? Тебе, что ли?

— Отчего ты так раскраснелся? Никак, жар начался? — Бу Фэнчэнь поднял на меня взгляд, на его лице отразилось искреннее недоумение.

Он приложил ладонь к моей щеке. Его пальцы обдали меня ледяной свежестью, но кожа под ними буквально полыхала. Видя его замешательство, я почувствовал, как к горлу подкатывает жгучая, удушливая неловкость.

«Этот человек действительно настолько наивен, — промелькнуло в голове, — или просто издевается надо мной?»

— Жарко мне, ясно?! — вспыхнул я и тут же сердито добавил: — Давай, разблокируй уже мои точки! Я сейчас все равно что калека, неужто боишься, что я на тебя наброшусь?

— К чему спешить? — мягко возразил Бу Фэнчэнь, бережно набрасывая на мои плечи легкую ткань. — Я осмотрел тебя: ран слишком много, и на груди они не заканчиваются.

Он осторожно обнял меня за шею, приподнимая. Его ладонь легла мне на спину, увлекая за собой, и я послушно подался вперед, утыкаясь лицом прямо в его плечо.

Его объятия оказались на удивление теплыми и уютными. Моя голова покоилась на его плече. Столь близкое, почти греховное прикосновение на мгновение лишило меня дара речи — никогда прежде я не позволял себе подобного. Даже с Бай Хэ у нас не бывало столь откровенной, обезоруживающей близости.

«Проклятый Бу Фэнчэнь, — злость бессильно всколыхнулась в груди, — когда же это кончится? Он ведь играет со мной, точно играет!»

Лопатки обдало прохладой — воротник соскользнул до самой поясницы. Одной рукой Бу Фэнчэнь бережно придерживал меня за талию, не давая упасть, а другой принялся наносить снадобье на иссеченную спину. Движения его оставались плавными, почти невесомыми. Интересно, он со всеми ранеными так нянчится? Впрочем, эта неожиданная, убаюкивающая нежность быстро вытеснила из моей души неловкость и страх перед опасной близостью.

Усталость тяжелыми оковами налила конечности. Силы спорить иссякли, и я затих, покорно позволяя ему держать меня и обрабатывать раны.

От него исходил едва уловимый аромат. То были не душные благовония и не приторная пудра, а нечто неуловимое, напоминающее морозную свежесть глубокой ночи, в которой растворились едва заметные нотки диких трав. Шелковистые серебряные пряди его волос струились перед самым моим лицом, щекоча щеки при каждом легком вздохе.

Веки отяжелели. Окутанный этой чистой прохладой, я сам не заметил, как соскользнул в глубокий, безмятежный сон.

«Бу Фэнчэнь... — сонная мысль растаяла в темноте, — кто же ты такой на самом деле?»

<http://bllate.org/book/18233/1752567>